

История философии

55 Этика Канта.

Автор: д-р Артур Холмс из Уитонского колледжа.

Сегодня мы хотим обратиться к этике Канта. И позвольте мне начать с того, что в конце своей «Критики практического разума», в конце своей первой «Критики», он указывает, что, хотя с точки зрения того, что он называет доктринальными убеждениями, то есть того, что мы можем знать метафизически, рационально, мы не можем доказать существование Бога, тем не менее, на основе этики может быть возможно рационально утверждать существование Бога.

Таким образом, существует естественный переход между первой критикой, касающейся чистого разума, и второй критикой, касающейся практического разума. Иногда говорят, что первая критика касается нашей способности познания, вторая — нашей способности воли, а третья критика, критика суждения, — способности чувствовать. Хорошо, может быть, но в любом случае именно во второй критике вводятся понятия моральной воли, моральной ответственности, морального долга и так далее.

Теперь несколько предварительных замечаний. Во-первых, следует отметить, что, по мнению любого читателя, Кант — моральный реалист. Иными словами, он настаивает на существовании объективных моральных истин об объективных моральных качествах, на существовании объективно реальных моральных различий между добром и злом, между добродетелью и пороком.

В этом смысле он — моральный реалист, объективист. И его знаменитый категорический императив, который мы рассмотрим, объясняет, как отличить добро от зла. Однако его моральный реализм во многом согласуется с интересами других мыслителей конца XVIII века.

В некотором смысле XVIII век можно охарактеризовать как эпоху морального кризиса, поскольку последствия научной революции, коперниканской революции в физике, представляли собой, конечно же, поворот к механистической науке. Без телеологии. Следовательно, без концепции блага как всеобъемлющего идеала, которому стремится подражать всё в природе.

В результате, сразу после научной революции и во время неё, возникли поиски нового способа решения этических вопросов. И мы видели у Бэкона, и это справедливо и для Декарта, своего рода раннюю версию утилитаризма с точки зрения того, что работает. Углублённое развитие этого подхода произошло у Томаса Гоббса, которого в XVIII веке считали безоговорочным гедонистом, убежденным детерминистом, не признающим ни капли человеческой доброй воли или благожелательности.

Такова была интерпретация Гоббса в XVIII веке. И когда мы говорили о нём, я, кажется, отметил, что на самом деле это не так. В его заботе и внимании есть нотки доброжелательности и тому подобное.

В XVIII веке его также называли убежденным атеистом. А это, очевидно, совсем не так. Но в любом случае, такое прочтение трудов Гоббса вызвало у философов XVIII века большую озабоченность по поводу необходимости найти объективное обоснование морали.

Речь идёт о проблемах морального реализма, понимаете. Одним из шагов в этом направлении, как вы помните, был кембриджский платонизм. Другим, можно сказать, является попытка Джона Локка обосновать естественное право, человеческое право, рациональной природой человека.

Сегодня утром я кое-что почитал. Я обнаружил, что Локк был очень близок к дочери Ральфа Кадворта, который был, по сути, ведущим кембриджским платоником. Вот так.

И отказ Локка от врожденных идей вполне мог быть отказом, как мы уже упоминали, от кембриджского платонизма. Но в то же время он разделял их озабоченность объективным обоснованием этики. То же самое волновало и философов, изучавших моральное чувство.

Такие люди, как Батлер, Адам Смит, Шефтсбери и Хатчисон, о которых мы упомянули скорее вскользь, чем что-либо еще. И еще то, что Шефтсбери был сыном семьи, где Локк был нанят в качестве учителя. Таким образом, он был учителем Шефтсбери, который позже разработал философию морального чувства.

Шафтсбери отверг подход Локка к этике и стремился к чему-то гораздо более определенному. Так и возникло понятие морального чувства. Говорят, что Дэвид Юм находился под сильным влиянием мыслителей, размышлявших о моральном чувстве.

На самом деле, существует интерпретация, довольно новая, разработанная за последние десять лет, согласно которой Дэвид Юм находился под сильным влиянием философов морального чувства и разделял их озабоченность этическим реализмом. Когда мы говорили о нём, я предположил, что он был этическим субъективистом. То есть, сказать, что что-то правильно или неправильно, — это просто отсылка к тому, как люди к этому относятся.

Но согласно этой новой интерпретации, эти моральные чувства, моральные установки, являются просто знаками, по которым мы распознаем то, что

объективно является таковым. Аргумент в пользу такой интерпретации Юма действительно основывается на некоторых утверждениях Юма о различии между добродетелью и пороком, которые звучат так, будто он говорит об объективных качествах отдельных людей. Таким образом, если добродетель и порок являются объективными качествами, то существует объективное различие между этими качествами, и мы имеем моральную объективность, по крайней мере, в статусе моральных качеств.

Таким образом, вопрос морального реализма был в значительной степени предметом внимания мыслителей XVIII века. Аналогично, Иммануил Кант, будучи убежденным моральным реалистом, пытался избежать некоторых возможных этических последствий этой механистической науки с ее причинным детерминизмом, который, конечно же, отвлекал бы от индивидуальной моральной ответственности и ее неявных субъективистских последствий. Именно с учетом этого Кант и пишет об этике.

Его подход к этике удивительно похож на его подход к метафизике. Там, исследуя способность познания, он ищет априорные структуры, субъективные структуры, которые формируют наше мышление, понимание и восприятие вещей. В критике практического разума он снова ищет ментальные структуры, субъективные структуры или принципы, которые мы используем в своем моральном мышлении.

И снова возникает вопрос: являются ли эти структуры нашего мышления чисто субъективными, как это было в случае с формами и категориями, или же они имеют какие-либо объективные корреляты? Так что, когда выясняется, что субъективная структура включает в себя некоторое чувство долга, уважения к моральному закону, возникает вопрос, существует ли какой-либо объективный моральный закон. Понимаете?

И хотя он приходит к выводу, что формы и категории, используемые в науке и метафизике, носят чисто субъективный характер, оказывается, что категории, используемые в этике, объективны. То есть существуют объективные корреляты. Существует такое понятие, как объективный моральный долг, как объективное различие между правильным и неправильным, объективный моральный закон.

Таким образом, в этом отношении он является моральным реалистом. Чтобы понять, как он это делает, необходимо признать, что он снова рассматривает синтетическую априорную природу этических суждений. Следовательно, этическое суждение включает в себя слияние двух типов входных данных.

С одной стороны, эмпирические данные, а с другой — некоторый априорный принцип. Так, когда мы говорим, что воровство — это плохо, мы получаем

эмпирическое описание действия, известного как воровство. И мы получаем концепцию неправильности или ненадлежащего поведения в качестве априорного принципа.

Таким образом, в результате мы получаем введение априорного принципа в наше моральное размышление, в наше моральное осознание. Априорный принцип, который применяется к фактическим ситуациям. Применяется к ...

Не подразумевается, а применяется к фактическим ситуациям. И этот априорный принцип, конечно же, является категорическим императивом.

Итак, в сборнике представлен первый отрывок на эту тему. Последний небольшой фрагмент Канта в сборнике. И точка.

И это взято не из критики практического разума, а из его метафизических основ морали. Некоторые из вас, возможно, читали этот материал на вводном курсе. И помните, что он начинается с утверждения, что существует только одна вещь, которая является безусловно благом.

То есть, *Добрая воля* . *Добрая воля*. В центре внимания намерение.

О мотивах. О характере. О внутреннем мировоззрении человека.

И только доброта этого внутреннего нравственного начала может считаться безоговорочно хорошей. В конце концов, наши естественные склонности могут быть искажены, отвлечены или извращены. Наши желания могут быть эгоистичными.

Понимаете, наше стремление к счастью само по себе не является чем-то хорошим и правильным. Его можно направить в неправильное русло.

Таким образом, он проводит четкое различие между, с одной стороны, склонностями. Потому что склонности направлены на эмпирические объекты. Понятно? Четкое различие между склонностями, с одной стороны, и чувством долга, с другой стороны.

Чувство долга отсылает к априорному принципу. Склонности ориентированы на получение эмпирического удовлетворения. И моральные качества играют в этом важную роль.

Он проводит различие иным способом. Говоря о гипотетических императивах как об отличии от категорических императивов. Ну, вы же знаете разницу между гипотетическим утверждением и категорическим утверждением.

Гипотетический вариант сомнителен. Если хочешь этого, то сделай то. Это был бы своего рода гипотетический моральный силлогизм.

Если ты этого хочешь, то сделай то. Таким образом, гипотетические императивы ориентированы на цели, результаты, последствия, склонности и желания. Понятно? И они не являются безусловно хорошими.

С другой стороны, категорические императивы вовсе не вызывают сомнений. Понимаете? Категорический императив без всяких оговорок указывает, что правильно. Так, хотя он начинается с утверждения, что единственное безусловное благо — это действовать из чувства воли, он развивает идею совершенно безусловного императива.

Да, это проявление доброй воли, желание действовать из уважения к долгу, а не просто в соответствии с ним. Кант не говорит: исполняй свой долг. Ну, не только это.

Потому что он прекрасно знает, что можно выполнять свой долг и по неправильным причинам. Например, можно соблюдать скоростной режим, потому что за тобой едет полицейская машина. В этом нет никакой моральной ценности.

Понимаете? Но именно к этому он и стремится, когда человек исполняет свой долг из уважения к долгу. Затем он развивает эту идею более подробно. Зайдя так далеко, он называет это моралью здравого смысла.

Потому что это, по сути, та самая общеизвестная реальность, которую многие обычные люди на улице сразу бы описали. Но он продолжает развивать её в более философском ключе, пытаясь сформулировать свой категорический императив, который он представляет в трёх формах. Одна из них часто называется принципом универсализуемости.

Второй принцип сегодня называют принципом уважения к личности. А третий — принципом автономии воли, автономной волей. Несколько слов о каждом из них.

Универсализуемость. Это означает, что всегда следует действовать в соответствии с максимой. Максима — это моральное правило.

Согласно аксиоме, которую можно принять по воле, как универсальному моральному закону, всегда следует действовать в соответствии с аксиомой, которую можно принять по воле, как универсальным моральным законом. И для этого развились две интерпретации.

Во-первых, можно ли было бы добиться принятия подобного закона? То есть, чтобы все люди признали его морально обязательным. Универсальность. Другая, более распространенная интерпретация, заключается в том, что логически возможно это пожелать? А вот то, что логически невозможно... Воля представляла бы собой самопротиворечие.

Итак, если вы не можете логически воплотить это в универсальный моральный закон, то это потому, что он окажется самопротиворечивым.

Саморазрушительным. Например, если вы пытаетесь взять кредит и обещаете вернуть его к определенной дате, прекрасно зная и намереваясь этого не делать, вы фактически делаете это без намерения сдержать обещание.

Теперь, если универсализировать принцип, которым вы руководствуетесь, он будет примерно таким: каждый может, если захочет, давать обещания, не вмешиваясь в чужие чувства. Во-первых, вы на самом деле не даёте обещания. Вы даёте обещание, которое не является обещанием.

Во-вторых, вы разрушаете весь институт обещаний, установленный универсальным законом. В таком случае обещаний как таковых не существовало бы, и это был бы самопротиворечивый закон. Таким образом, категорический императив формулируется именно так.

Проблема этой формулировки заключается в том, что она предлагает отрицательный критерий, указывающий на то, чего делать нельзя, вместо положительного критерия. Отрицательный критерий, а не положительный. Однако Кант переходит ко второй формулировке, которая сегодня известна как уважение к личности.

Он выразил это так: мы всегда должны, и здесь проявляется принцип универсальности, рассматривать людей как самоцель, а не только как средство. Никогда не следует рассматривать человека только как средство. Всегда как цель.

Он не говорит, что нужно относиться к людям как к средствам. Мы так делаем постоянно. А вы сейчас используете меня, чтобы получить за это признание.

И я использую тебя, чтобы зарабатывать на жизнь. Да, он не говорит, что это неправильно. Но он говорит, что в том, как мы используем людей, нужно относиться к ним как к ценным личностям.

Почему? Потому что это рациональные люди с моральной волей, как обычно. Да. Так что это действительно универсализация того, чего я прошу для себя: чтобы меня уважали как рациональное существо, способное принимать моральные решения.

Перевернув ситуацию в позитивном ключе. Сейчас акцент на уважении к личности широко используется, например, в современной медицинской этике и деловой этике. Она была разработана в Чикагском университете, сейчас уже не существует, но всё ещё актуальна.

Он говорит, что если я прошу уважения к своему жизненному проекту, то последовательность требует, чтобы я уважал ваш жизненный проект. Почему я прошу уважения к своему? Потому что я рациональное, самоопределяющееся существо. Понимаете?

Итак, он отстаивает принцип общей непротиворечивости, как он его называет. Принцип общей непротиворечивости. Как его все называют, PGC.

И это, по сути, универсализация уважения к личности. Таким образом, это второй способ формулировки категорического императива, и, очевидно, он имеет гораздо более позитивное применение. Однако, как мне кажется, одна из трудностей здесь заключается в том, что то, что значит уважать человека, действительно зависит от того, как вы определяете человека.

И если вас не устраивает определение человека просто как разумного существа, но если понятие личности включает в себя нечто большее, то это необходимо уточнить. И я склонен утверждать, что это не так. Следовательно, это неполная этика.

Третья версия категорического императива включает в себя его различие между автономной волей и, с другой стороны, гетеронимной волей. Гетеронимная воля — это воля, которая управляется другой волей. Гетерономия.

Управляемый другим. Автономия, конечно же, означает самоуправление. Автономная воля — это воля, которая самоуправляется.

По сути, его мысль заключается в том, что категорический императив требует, чтобы вы действовали по собственной воле. Видите ли, всё сводится к этой идее. Это должен быть свободный акт, самоопределенный, действие по собственной воле, а не подчинение желаниям и ожиданиям других людей, не следование за толпой, не конформизм, не соответствие социальному давлению, не следование собственным желаниям, а не действие по свободной воле, не порабощение собственными склонностями.

Вот в чём основное различие. Хотя это и не связано с тем, что он говорил. Его здесь, по сути, критикуют за такую степень автономии, которая должна регулироваться.

И вот, например, Роберт Адамс, преподаватель Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе, предлагает третью альтернативу, которую он называет теономной волей. Волей, управляемой Богом. Теономной волей.

Допустил бы Кант это на самом деле или намеревался ли он это сделать — это очень хороший вопрос. Это был закон Божий. Поэтому, возможно, это направление его бы устроило.

В любом случае, его основное намерение, когда он говорит об автономной воле, состоит в том, чтобы вернуться к различию между действием, продиктованным добровольным уважением к долгу, в отличие от простого следования склонностям и поддавания внешним влияниям. Таким образом, это его категорический императив. Он говорит об уважении к личности в том, что он называет царством целей.

Иными словами, если вы рассматриваете людей как цель, а не как средство, то вы выступаете за то, чтобы общество было царством целей. Например, царством людей, равных по ценности и достоинству. В этом и заключается его акцент на правах человека.

В свете этого он предложил то, что назвал Лигой Наций. Именно оттуда Вудроу Уилсон позаимствовал эту идею непосредственно у Иммануила Канта. У Канта есть книга, а также небольшая брошюра под названием «Вечный мир», в которой он предлагает это.

Понимаете, что разумные люди, действующие из доброй воли, должны заключать договоры, заключать соглашения, придерживаться договорного подхода. Таким образом, уважение к личности приводит к понятию царства целей. И в своей религиозной книге, которую мы сейчас рассмотрим, он говорит об этом царстве целей просто как о Царстве Божьем.

Видите ли, он воспринимает это как библейское представление о Царстве Божьем. Хорошо.

Есть какие-нибудь комментарии или вопросы? Думаю, всё довольно просто, если посмотреть, чем он занимается. Дэвид? Да. Он... Видите ли, единственное, что бесспорно хорошо, — это добрая воля.

Из этого следует, что единственное, что действительно достойно морального уважения, — это поступок, совершенный из чувства долга. Не исполнять свой долг, потому что кто-то стоит за вами с ордером на арест. Не исполнять свой долг, потому что, по сути, у вас есть необдуманная привычка.

Понимаете? И уж точно не стоит уклоняться от своих обязанностей, поддаваясь уговорам соседей по комнате, которые хотят провести вечер в городе. Нет, оставайтесь здесь и читайте Канта.

Например, Кристиан молится, чтобы Бог изменил его желания, чтобы он захотел быть... О, он был бы очень рад, если бы его желания изменились. Понимаете? Его мысль в том, что действия, продиктованные желанием, — это нечто детерминированное.

Теперь позвольте мне подробнее остановиться на этом моменте. В своем анализе морального «я», точнее, в анализе морального опыта, он утверждает, что воля свободна, когда она действует рационально, исходя из чувства долга. Руководствуясь разумом, исходя из чувства долга.

С другой стороны, если они захотят, а не... Если индивид действует не из таких благих побуждений, а просто делает то, что хочет, он функционирует на эмпирическом уровне, где вступают в игру причинно-следственные механизмы механистической науки. Так, просто делая то, что вы хотите, например, едя, не задумываясь о том, следует ли вам это есть, реагируя бездумно и прерывая то, что нужно сделать, просто разогревая еду, вы действуете скорее как животное, чем как рациональный человек. Понимаете?

Таким образом, он пытается доказать, что если вы живете на чувственном уровне, преследуя только желания, склонности, эмоции, чувства, то вы не свободны. Вы не действуете как человек. Хотя желания могут быть не плохими, действия могут быть не плохими, его волнует моральное качество человека.

Единственное, что бесспорно хорошо, — это добрая воля. О, знаете, его здесь критиковали. Да, он же пруссак.

Не понимаю, почему это можно расценивать как критику. Но многие английские писатели говорят о его прусских корнях. Он был холостяком.

Да. Очень дисциплинированный холостяк. Соседи переводили часы по утрам, когда он уже шел по улице в университет.

Вот такой человек. Думаю, в основе этого лежит ощущение, и я подозреваю, что именно это лежит в основе вашего вопроса, Дэвид, что в самой идее действовать из чувства долга и игнорировать желания. Богом данные желания.

Возможно, это искупительное, преображенное желание. Да. Что ж, я думаю, в его защиту следует сказать, что он признает наличие у нас естественного стремления к счастью.

Он понимает, что это данное Богом стремление к счастью. Проблема в том, что в этой жизни эти два стремления не сочетаются. Понимаете ? Слишком много препятствий мешает им объединиться.

И в нас самих, и вне нас автоматически возникает доверие к стремлению к счастью. И это приводит к тому, что вы увидите позже в плане последствий. Пит? Да, он не говорит, что мы всегда так делаем.

Он совершенно ясно дает понять, что есть люди, которые будут игнорировать свой долг, поступать вопреки ему и отвергать моральный закон. Он пытается вложить в свои размышления то, о чем говорит теология в контексте порочности. Вопрос в том, достаточно ли ему это удается.

Он вырос в лютеранском пиетизме. И Кьеркегор довольно критически относится к нему в этом отношении. Не за то, что он был лютеранским пиетистом, я имею в виду, а за то, что Кьеркегор считает слишком оптимистичным взглядом на человеческую природу.

Да, кто-то другой там сзади. Да, видите ли, этот вопрос подразумевает, что он просто говорит: исполняйте свой долг. А что делать, если ваши обязанности противоречат друг другу? Но он не просто говорит: исполняйте свой долг.

Он говорит: действуйте из чувства долга. Поэтому его ответ на ваш вопрос будет таким: выбирая между противоречащими друг другу обязанностями, вы делаете выбор из чувства долга. Вы не выполняете тот долг, который предпочитаете.

Вы говорите, что вам больше хочется это сделать, что это проще. Вы выполняете свой долг, который, как разумное существо, считаете своим долгом. Но это, конечно, создает ему некоторые проблемы.

Ну, вы принимаете решение, исходя из уважения к личности . Гипотетически, он мог бы сказать, что если обязанность А противоречит обязанности В, и обе они являются обязанностями перед людьми , то какая из них более важна с точки зрения уважения к человеку? В этом смысле, я полагаю, он мог бы рассуждать в духе этики спасательной шлюпки.

Понимаете, что я имею в виду под «этикой спасательной шлюпки»? Крайности, когда могут погибнуть два человека, а спастись может только один. Может, помните, почему вы называете его абсолютистом? Да, он им является, в том смысле, ну да, его часто так считают, в том смысле, что он не хочет допускать моральных исключений. Исключений из моральных правил.

В этом смысле он абсолютист в отношении лжи. Не существует оправданной лжи. Моей первой реакцией на ваш вопрос было вспомнить мою любимую иллюстрацию о том, что бы вы сделали, если бы оказались в Амстердаме в 1942 году, и гестапо постучало бы в дверь в поисках еврейской девушки, которую вы прячете на чердаке.

Вы бы спросили: «А вы бы солгали?» или что бы вы сделали в такой ситуации? Нет, я думаю, по крайней мере, согласно такому прочтению Канта, он бы сказал: «Нет, никогда нельзя лгать». Да, именно так. Несколько лет назад у нас в кампусе была исследовательница творчества Канта, Кристин Корсгард, участвовавшая в одной из таких программ для приглашенных философов. Тогда она работала в Чикагском университете, а сейчас — в Гарварде.

В одной из своих лекций она утверждала, что Кант не был абсолютистом в этом смысле. Что он перестраивал картину таким образом, чтобы вы не лгали. Вы проявляли уважение к личности и обращались с теми, кто нарушает права личности, таким образом, чтобы скрывать от них истину.

Что-то в этом роде. Думаю, суть в том, что да, вы считаете это сложным вопросом, верно? Есть два или три классических способа, которыми этики отвечают на подобные вопросы. Что вы делаете, когда обязанности вступают в конфликт? Во-первых, вы действуете, опираясь на иерархию обязанностей.

И вы сами решаете, что из этого важнее. Вот что я подразумевал, когда говорил, что важнее с точки зрения уважения к личности. Другой вариант — ввести правила, регулирующие исключения из моральных норм.

Иными словами, вы уточняете моральное правило. Поэтому «нельзя лгать» — это всего лишь сокращенная версия гораздо более длинного морального правила со всевозможными уточнениями. Определение того, что вы подразумеваете под ложью.

Как говорят некоторые исследователи Ветхого Завета о заповеди «не убивай». В таком контексте она содержит множество оговорок. Достаточно взглянуть на контекст, чтобы это понять.

Это не универсальное правило. Это правило с оговорками. Поэтому сложно точно сказать, что именно делает Кант.

Вот как некоторые специалисты по Канту зарабатывают свою репутацию: они спорят о том, как именно следует интерпретировать Канта. Знать, что такое чувство долга? Нет. Ну тогда вам не нужно беспокоиться о том, чтобы его знать.

Если вы действуете из чувства долга, вы должны знать, что у вас есть чувство долга. Нет, вы имеете в виду, как определить, в чём заключается ваш долг? С помощью категорического императива. Именно так вы узнаете, в чём заключается ваш долг.

Вы бы действовали, руководствуясь универсальным принципом? Вы бы действовали из уважения к личности? Вы бы действовали, руководствуясь автономной волей? Это то, как вы знаете. Это то, как вы решаете. Нет, он не дает вам целый список правил.

Ну, вам не нужен свод правил по этике. Вам приходится принимать моральные решения в тех случаях, когда правил всё равно нет. Именно об этом сегодня говорят медицинская этика и биоэтика.

Что-нибудь? Нет, моральное мышление — это о том, как самые основные моральные принципы влияют на наши решения. Или, если мы пытаемся сформулировать моральные правила, которым следует следовать. Как сформулировать эти моральные правила? Ответ основан на категорическом императиве.

Повторите ещё раз. Именно так. Исходя из категорического императива.

Вот этот априорный принцип — это категорический императив. Давайте посмотрим на это с другой стороны. Некоторые из вас уже слышали, как я так говорил.

Но мне кажется полезным различать четыре уровня этического обсуждения. Частный случай. Правило, определяющее область.

Правило, применимое к определенной области моральной ответственности, например, правило против лжи. Общие принципы. То есть принципы, применимые ко всем видам ответственности.

К целостной нравственной жизни. А затем к основанию, на котором зиждутся эти принципы. А это будет теологическая основа.

Или какая-то философская основа. Или метафизическая основа. В случае Канта принципом является категорический императив.

Категорический императив. У него может быть правило о правдивости, основанное на категорическом императиве.

Лгать — значит не уважать людей . Я думаю, что могу обмануть вас, ввести в заблуждение и манипулировать вами с помощью своей лжи. Это неуважение к людям .

Таким образом, правило основано на этом, и оно применяется к конкретному случаю. Как же узнать, что правильно сделать в конкретном случае? Обычно мы проверяем правила. Существуют определенные моральные эмпирические правила.

У вас есть определенные четко сформулированные библейские моральные учения. Существуют определенные общественные моральные стандарты. Профессиональный кодекс этики.

Что бы это ни было. Но когда вы пытаетесь сформулировать такие правила или разрешить конфликты между моральными обязательствами на уровне правил, вы возвращаетесь к тому, чего требует общий принцип. Я думаю, есть еще одна особенность, которая влияет на этические дискуссии, и это то, что я называю фоновыми убеждениями.

ВВс. Фоновые убеждения. Знаете, если вы имеете дело с вопросами деловой этики, то ваши глубинные убеждения о смысле и цели работы, экономической деятельности, играют здесь важную роль.

Если речь идет о вопросах медицинской этики, то здесь вступает в игру ваше убеждение относительно цели медицинской помощи. Существует, например, литература, в которой с христианской точки зрения говорится об отношении медицинской профессии к продлению человеческой жизни любой ценой для пациента. Причём речь идет не только об экономических издержках, но и об издержках страданий.

Затянувшаяся мысль. Утверждение, что с христианской точки зрения смерть — это то, что нужно принять, а не бесконечно отрицать.

И что сохранение жизни не является высшей целью. Это не аргумент в пользу активной эвтаназии. Но это аргумент против чрезвычайных мер по продлению жизни, когда, по всем естественным меркам, жизнь подходит к концу .

Итак, основные убеждения. У меня вопрос по поводу самих категорий. Насколько объективны эти категории формата А4 по сравнению с метафизикой ? Да, видите ли, я начал сегодня с того, что говорил о Канте как о моральном реалисте.

Видите ли, категорический императив... не называйте их категориями. Существует один категорический императив. Вот три способа его сформулировать .

Категорический императив — это его способ различать добро и зло. Понимаете ? Он что, выдумывает это различие? Нет, это его способ признать уже существующее различие. Понимаете ? Морально правильное и морально неправильное — это две совершенно разные вещи.

Как нам узнать, что есть что? С помощью категорического императива. Мне кажется странным, что он моральный реалист, в то время как в метафизике он верит в феноменальное. Ах, но он же говорил вам, что так и будет, в конце первой критики.

Да, теперь прочитайте последний раздел в первой критике. Вы помните, где он говорит о вере, моральной вере, в отличие от доктринальной. Почему? Ну, на данном этапе он просто говорит о моральном опыте.

Где происходит моральный опыт? В сознании, в процессе борьбы с моральными обязательствами в связи с желаниями и склонностями. Другими словами, моральный опыт как таковой вовсе не является опытом пространственно-временного мира. Понимаете ? И поэтому ваши формы и категории науки и метафизики не навязываются нашему моральному мышлению.

Видите ? Именно в нашей нравственной жизни, во внутренней жизни человеческого духа, открывается дверь в природу реальности. Вот почему идеализм и романтизм являются результатом Канта. Видите ли, этот поворот — это поворот от наблюдения за внешним миром науки к внутреннему миру науки.

Это ведь была его коперниканская революция, не так ли? Да. Так вот, коперниканская революция имеет очень далеко идущие последствия. Помните, мы говорили о влиянии Канта на идеализм, романтизм и всё остальное в XIX веке? Так вот, здесь это начинает проявляться в этике.

Кант вряд ли можно назвать романтиком, но его часто называют этическим идеалистом. То есть, тем , кто описывает высшую реальность в этических терминах, в терминах добра и зла. Этический идеалист.

Итак, Бог Канта — это моральное божество. Разве, если у всех есть принцип APRI, это не очень детерминистично? Например, люди говорят: «Нет. Нет, тот факт, что при исследовании и анализе морального опыта, который вы

обнаруживаете трансцендентальным методом, этот категорический императив, не означает, что все должны следовать этому принципу».

Если есть свобода воли, можно отвернуться от принципа. Понимаете ? И именно это некоторые и делают. Что же сказал дьявол в «Потерянном рае» Мильтона? «Зло, будь же моим добром».

Вот видите, это злая воля. Это не добрая воля, это зло. Теперь, если бы он не был индетерминистом, понимаете, если бы он не подчеркивал свободу воли, вы были бы правы.

Вы были бы детерминистом. Но этот принцип не определяет ваши решения. Этот принцип — это принцип, которому разум может следовать, направляя волю.

Понимаете? Да, ну, подождите-ка. Минутку. Пока что единственный ответ, который мы можем дать, заключается в том, что этот вид морального опыта независим от форм и категорий, применимых к метафизике. Хорошо, давайте перейдем к следующим выводам.

И уже сейчас видно, как он подходит к вопросу свободы. Свобода воли — это следствие морального долга. Иными словами, если мы говорим, что мораль состоит в действиях, продиктованных чувством долга, то для того, чтобы мораль имела какой-либо смысл, должна существовать свобода действовать, продиктованная чувством долга, а это означает свободу воли.

Таким образом, хотя он и не доказывает свободу воли, это является следствием его концепции морального опыта, моральной феноменологии. Понимаете ? Если он прав в этом вопросе долга, то отсюда следует, что у нас есть свобода воли. Я называю это следствием.

Это не является доказательством . Кажется, это подразумевается из того, что было сказано ранее. Но он идет дальше.

И если первое является своего рода логическим следствием, то второе — это скорее постулаты , к которым нас приводит этический подход. Дополнительные постулаты. Иными словами, достижение доброй воли, единственного, что по своей сути является благом, достижение доброй воли в этой жизни, никогда не завершается.

В этой жизни не достигается нравственное совершенство. Более того, существует данное Богом стремление к счастью, которое никогда не достигается в полной мере в этой жизни, когда человек, пренебрегая своими желаниями, выполняет свой долг. Поэтому по обеим этим причинам должно быть

продолжение этой жизни, в которой ваше нравственное развитие продолжается и вознаграждается счастьем.

Бессмертие души — это практическая необходимость. А под практической необходимостью он подразумевает необходимость использования практического разума. Практический разум — это моральное мышление.

Иными словами, если нравственное мышление имеет какой-либо смысл, необходимо дополнительно постулировать существование загробной жизни, в которой может быть достигнут нравственный поиск, поиск добра, доброй воли. Более того, если должна существовать будущая жизнь, в которой это возможно, то необходимо постулировать существование нравственного существа, которое гарантировало бы счастье, соразмерное добродетели человека. Таким образом, у нас есть два морально необходимых постулата практического разума .

Бессмертие души — от Бога. В своей книге о религии он более подробно это объясняет .

Позвольте мне кратко изложить это следующим образом. Он пытается найти корреляции между тем, что он описал в контексте морального сознания, и концепцией Бога, а также традиционным религиозным отношением к Богу. В контексте морального сознания мы обнаруживаем, что разум, посредством категорического императива, устанавливает законы, говорит нам, что правильно, говорит нам, что делать.

Разум порождает законы. Да, видите ли, в этом контексте присутствует представление о Боге как о святом, праведном законодателе с соответствующим религиозным отношением благоговения, трепета, включающим в себя послушание. Моральное сознание также проявляет естественную склонность к счастью, часто вступающую в противоречие с тем, что предписывает разум.

С этим связано признание того, что Бог — это благодетельный кормилец, благословляющий наше послушание. И религиозное отношение, конечно же, основано на благодарной любви. В нравственной совести, а точнее, в нравственном сознании, присутствует опыт совести , то есть нечто, что будоражит, колет, когда у тебя нечистая совесть.

уместно вспомнить представление о справедливом судье, который оценивает моральную ценность поступка. И, соответственно, религиозное отношение, выражающееся в уважении, страхе перед законом и так далее. Однако точно понять, что он имеет в виду, довольно сложно.

Он просто утверждает, что Бог, существование которого мы должны постулировать, должен быть именно таким Богом? И именно таким Бог является на самом деле? Да, именно так. И именно так мы должны реагировать на него? Это то, что он имеет в виду? Или он утверждает, что представление о Боге и религиозной жизни — это всего лишь психологическая проекция нашего религиозного опыта, нашего морального опыта? Конечно, второй путь используется этическими гуманистическими, натуралистическими интерпретациями религии, а первая интерпретация, согласно которой именно таким является Бог, — это путь, который, с оговорками, использовали более традиционные религиозные подходы. И из этого подхода к разговору о Боге развились некоторые ранние течения либеральной теологии XIX века.

Потому что если ваша теология — это просто продолжение вашей этики, то у вас появляется новый теологический метод, который не заходит так далеко, как библейское откровение. Таким образом, одно из направлений либеральной теологии XIX века возникло из мышления Канта именно на этом этапе. Кстати, Кант в своих письмах клялся, что если он будет писать о христианской религии, его обвинят в этом, и ему будет запрещено преподавать или публиковать свои работы.

В свою защиту он оправдывался. Трудно поверить, что человек, который утверждал, что ложь всегда неправильна, сказал именно это. Но дискуссия продолжается.

Кроме того, в этой религиозной книге он говорит о Царстве Божьем. Говорит о Христе. Христос, видите ли, в христианской религии представляет собой идеал нравственного совершенства.

Великий пример. Смерть Христа — это высший пример действия, продиктованного чувством долга. Не моей воли, а моей.

Таким образом, Кант в этом контексте дал начало тому, что впоследствии стало известно как теория искупления, основанная на примере. Теория, основанная на примере. Значение смерти Христа заключалось в том, что она послужила высшим моральным примером.

И если это всё, что сказано, то, очевидно, православные христианские традиции будут возражать против Канта. Этого, по меньшей мере, недостаточно. Трудно сказать, намеревался ли он сказать что-то ещё.

Совершенно очевидно, что название его книги не претендует на то, чтобы сказать всё, что можно сказать о религии. А лишь то, что можно сказать в рамках одного лишь разума. Возможно, здесь важен именно этот момент: если эпоха

Просвещения стремилась продемонстрировать основные истины религии, то Кант этого не делает.

Подобные метафизические доказательства невозможны. Но он утверждает, что постулировать основные истины религии рационально. Понимаете ? И именно общая рациональная согласованность результирующей схемы, включающей в себя морального законодателя и так далее, делает её столь правдоподобной и рациональной для постулирования.

Таким образом, с точки зрения обоснования убеждений, следует сказать, что Кант действительно является когерентистом в отношении общей согласованности вещей.